

Самое полное издание
«ИСКУССТВА ВОЙНЫ»
в переводе и с комментариями
выдающегося исследователя-востоковеда,
академика Н. И. Конрада.

ИСКУССТВО ВОЙНЫ

СУНЬ ЦЗЫ

**БОЛЬШАЯ
ВОЕННАЯ
ЭЦИКЛОПЕДИЯ**

ЯУЗА

Москва
2018

УДК 355/359
ББК 68
С89

Сунь-цзы.
С89 Искусство войны / Сунь-цзы. — Москва : Яуза : Эксмо, 2018. — 304 с.
ISBN 978-5-04-089259-4

Самое полное издание «ИСКУССТВА ВОЙНЫ» в переводе и с комментариями выдающегося исследователя-востоковеда, академика Н. И. Конрада.

Законы войны — это не только стратегия и тактика, организация и ведение боя! Это умение правильно оценивать и использовать обстоятельства и имеющиеся ресурсы. Это искусство понимания и управления. Путь самопознания и противостояния.

Главный текст знаменитого военного «Семикнижия» Древнего Китая «Законы войны почтенного (учителя) Суня» известен уже более 2 тысяч лет, но отнюдь не является мертвой буквой литературного памятника. Всего пять простых правил, которым надо следовать, чтобы добиться победы! Его советами можно пользоваться как на войне, так и в повседневной жизни!

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-04-089259-4

© Н. И. Конрад (наследник), перевод,
предисловие, комментарии, 1950
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ОТЛАЖЕНИЕ

Введение 5

СУНЬ-ЦЗЫ ТРАКТАТ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

Глава I. Предварительные расчеты 13

Глава II. Ведение войны 15

Глава III. Стратегическое нападение 17

Глава IV. Форма 19

Глава V. Мощь 21

Глава VI. Полнота и пустота 23

Глава VII. Борьба на войне 26

Глава VIII. Девять изменений 28

Глава IX. Поход 30

Глава X. Формы местности 33

Глава XI. Девять местностей 36

Глава XII. Огневое нападение 41

Глава XIII. Использование шпионов 43

Комментарий 45

Трактат Сунь-Цзы и «Семикнижие» 238

О военной доктрине Сунь-цзы 241

Примечания 279

ВВЕДЕНИЕ

Среди огромной и разнообразной литературы, оставленной нам старым Китаем, особое место занимает литература по военному искусству. При этом, подобно широко известным классикам философии, и данная литература имеет своих классиков: древнему конфуцианскому «Пятикнижию» и «Четверокнижию» здесь соответствует свое «Семикнижие».

Это «Семикнижие» образовалось в результате продолжавшегося много веков отбора из очень большой военной литературы тех произведений, которые постепенно получили значение авторитетов в вопросах войны и военного дела. Свою окончательную форму отбор получил при сунской династии в последней четверти XI в. С тех пор эти произведения заняли положение общепризнанных классиков.

Трактатов всего семь, но наибольшее значение имеют два из них, поставленные на первое место: «Сунь-цзы» и «У-цзы», названные так по именам тех древних стратегов, которым традиция приписывает авторство если не самих этих сочинений непосредственно, то, во всяком случае, тех положений, которые там высказаны. Если «Семикнижие» в целом считается «каноном военной науки» (у-цзин), то основу данного канона составляют эти два трактата. Кстати сказать, они являются и наиболее древними: историческая традиция считает, что деятельность Сунь-цзы как полководца падает на конец VI и начало V в. до н. э.; деятельность У-цзы — на начало IV в. до н. э. Репутация этих двух трактатов такова, что уже с давних пор и в Китае, и в Японии принято было считать, что вообще

военное искусство старого Китая есть «военное искусство Сунь-У» (Сунь-У бин фа).

Однако недаром из двух трактатов на первое место поставлен «Сунь-цзы». Этот трактат создал основы военной науки старого Китая. В конце минской эпохи, т. е. в первой половине XVII в., Мао Юань говорил, что, возможно, и были трактаты по военному искусству до Сунь-цзы, но, во-первых, они до нас не дошли, а во-вторых, самое существенное, что в них имелось, вошло в состав учения Сунь-цзы; после Сунь-цзы появился ряд сочинений в этой области, но все они в конечном счете либо прямо развивают те или иные идеи Сунь-цзы, либо находятся под его влиянием. Поэтому, заключает Мао, вся военная наука в Китае целиком заключается в «Сунь-цзы».

Эти слова свидетельствуют прежде всего о том ореоле непререкаемого авторитета, которым было окружено имя Сунь-цзы даже в столь поздние времена, т. е. когда военная наука в Китае насчитывала уже множество сочинений. Конечно, Мао неправ: не все трактаты «Семикнижия» повторяют «Сунь-цзы» или исходят из него. Вполне оригинальными по содержанию могут быть признаны трактаты «У-цзы», «Вэй Ляо-цзы», «Сыма фа» и некоторые другие, но совершенно бесспорно, что по значению никто, даже прославленный «У-цзы», не может быть поставлен рядом с «Сунь-цзы». Под знаком «Сунь-цзы» идет вся позднейшая, по крайней мере с III в. н. э., военно-теоретическая литература старого Китая.

Эта роль «Сунь-цзы» не ограничивается одним Китаем. Совершенно такое же положение

Сунь-цзы. Рисунок эпохи Цин

занимал трактат Сунь-цзы и в прежней Корее, и в феодальной Японии: и там это был авторитет во всех основных вопросах, касающихся войны.

Новое время не отвергло «Сунь-цзы». И в XIX и XX вв. как в Китае, так и в Японии «Сунь-цзы» изучается специалистами военного дела наравне со старыми классиками военной научно-теоретической мысли других народов. Изучение трактата Сунь-цзы всегда составляло в этих странах необходимый элемент высшего военного образования.

Несомненно, в учении Сунь-цзы, обусловленном своей исторической эпохой, есть много черт, привлекавших к нему тех, кто вел захватнические войны. Военная идеология, нашедшая свое яркое выражение в трактате Сунь-цзы, являлась идеологией господствующих классов Древнего Китая и в дальнейшем прочно вошла

в военно-идеологический арсенал феодальных властителей Китая и Японии. Эта военная идеология — если рассматривать ее историческую роль на протяжении многих веков — была идеологией, необходимой тем, кто вел несправедливые, захватнические, грабительские войны. Но вместе с тем это учение никогда не пережило бы настолько свой век, если бы не содержало и иные черты, делающие возможным обращение к нему и тех, кто вели и ведут борьбу против захватчиков. Освободительная борьба такого характера и размаха, какая никогда еще не наблюдалась в истории Китая и которая привела к победе народно-демократических сил, свидетельствует, что ряд положений Сунь-цзы, критически освоенных применительно к иной исторической обстановке и иным целям вооруженных действий, оказался пригодным и в борьбе народа против его угнетателей.

Эти стороны учения Сунь-цзы, несомненно, представляют для нас особый интерес.

Таким образом, есть все основания для перевода этого древнего сочинения по военному искусству на русский язык. Вниманию специалистов, изучающих памятники военной науки, предлагается трактат Сунь-цзы — древнейшее и в то же время одно из наиболее широко известных произведений военной литературы в Китае, Корее, Японии. Этим самым появляется своего рода военно-теоретический комментарий к военной истории указанных стран, облегчающий изучение — с точки зрения характерного для ряда стран Дальнего Востока стратегического и тактического искусства — важнейших войн и сражений, которые там велись. Ввиду того, что Сунь-цзы и в Китае, и в Японии не отброшен новой военной наукой, стремящейся извлечь из его воззрений рациональное зерно, — знание данного трактата может быть небесполезным и для понимания некоторых сторон стратегии и тактики армий этих стран не только в прошлом, но и в новое время.

Есть одна специфическая сторона трактата, которой он в значительной мере обязан своей

широкой известностью. Многие из его общих положений всегда легко переносились из области войны в область политики и дипломатии. Поэтому трактат Сунь-цзы имеет известное значение для понимания поступков не только военных деятелей, но и политиков упомянутых стран Дальнего Востока, и притом отнюдь не только в отдаленные исторические времена.

Перевод трактата, предназначенный для современного читателя, неминуемо должен сопровождаться комментарием. Это необходимо прежде всего для того, чтобы раскрыть мысль Сунь-цзы, часто облеченную в такую форму, которая делает ее малопонятной для человека XXI в. Не нужно забывать, что манера, в которой Сунь-цзы излагает свои мысли, отличается от стиля, которым пишутся привычные нам теоретические работы. Сунь-цзы не доказывает, не разъясняет. Он только высказывает свои положения, и высказывает обычно в сжатой, афористической форме. Поэтому понять его мысль по ее буквальному выражению часто нелегко, и переводчику, не желающему превращать перевод в распространенный пересказ, нередко приходится предоставлять разъяснение этой мысли комментарию. Далее, нужно помнить, что Сунь-цзы употреблял слова и выражения своего времени, во многих случаях непонятные даже его китайским читателям позднейших времен. Поэтому перед переводчиком, не желающим европеизировать и модернизировать язык и стиль древнего китайского стратега, встает необходимость, оставив в переводе слова и выражения по мере возможности такими, каковы они в оригинале, разъяснить их в особом комментарии. И наконец, трактат Сунь-цзы принадлежит древней китайской культуре: все его содержание укладывается в круг понятий этой культуры, связано с определенной исторической обстановкой. Читатель может этой обстановки не знать, а без знания трактат Сунь-цзы не может быть полностью понят. То есть переводчик должен представить те или иные положения Сунь-цзы в свете китайской истории той эпохи.

Все эти причины и привели к тому, что к русскому переводу оказался присоединенным обширный комментарий, поясняющий фразу за фразой весь текст трактата. Переводчик стремился разъяснить смысл его отдельных понятий, смысл его положений и правил, а также установить внутреннюю связь между отдельными высказываниями и частями трактата в целом.

Составляя свой комментарий, автор старался вскрыть мысль Сунь-цзы, как она должна была представляться в его время. Ключ к идеям и положениям Сунь-цзы, конечно, пришлось искать, как только что было сказано, прежде всего в его эпохе. Этой эпохой, по убеждению автора, был так называемый период «Пяти гегемонов» (У ба), т. е. VII–VI вв. до н. э., точнее, конец VI — начало V в., — время, когда древний рабовладельческий Китай состоял из самостоятельных, боровшихся

Гуань Юй

Сыма Цянь.
Знаменитый китайский историограф

между собой царств. Именно тогда и сложилась доктрина Сунь-цзы как учение о захватнической войне в интересах рабовладельцев.

Конкретное историческое содержание эпохи, общий ход исторического процесса того времени, как он раскрывается в свете нашей исторической науки, и определили понимание основных положений трактата. При изучении эпохи автор обратился к особому, до сих пор не привлекавшемуся материалу, к сочинениям по военному искусству, возникшим в ближайшие к эпохе Сунь-цзы времена — в период Чжаньго (403–221), именно — к трактатам «У-цзы», «Вэй Ляо-цзы» и «Сыма фа», а также к литературе, хотя и значительно более поздней, но тесно связанной с трактатом Сунь-цзы, как, например, к известным «Диалогам» Ли Вэй-гуна. Поэтому читатель найдет в книге ряд цитат из этих, а также других трактатов «Семикнижия», цитат, призванных как-либо осветить то или иное положение Сунь-цзы. Так создается определенное понимание трактата в целом, которому

подчинен весь русский комментарий и которое в систематизированном виде изложено в специальной главе «О военной доктрине Сунь-цзы».

Эпоха Сунь-цзы, рассмотренная с привлечением указанной специальной литературы, послужила первым материалом для русского комментария трактата. Огромную помощь в деле разъяснения трактата оказали, конечно, и китайские комментаторы. Как известно, комментарии на трактат Сунь-цзы стали появляться уже в древности; есть сведения о существовании таких комментариев уже в эпоху Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Они не дошли до нас, и наиболее ранний из известных нам — комментарий Цао-гуна — относится к началу III в. н. э. Комментирование интенсивно продолжалось и дальше, так что трактат постепенно оброс целой толковательной литературой. В конце концов в XI в. был окончательно установлен список наиболее важных и авторитетных комментариев из числа появившихся с III по XI в. включительно. Таких оказалось десять, авторами которых были: Цао-гун, Ду Му, Мэй Яочэнь, Ли Цюань, Ван Чжэ, Хэ Янь-си, Мэн-ши, Чэнь Хао, Цзя Линь, Чжан Юй. К ним обычно присоединяют еще и одиннадцатого — Ду Ю. Эти комментарии и стали сопровождать в дальнейшем всякое издание трактата, так как без них он для китайского читателя позднейших времен уже был во многом непонятен.

Ценность комментариев огромна. Авторы их — знатоки военного дела — дают богатейший материал для понимания той или иной мысли Сунь-цзы. Поэтому всякий переводчик, составляя свой комментарий, обязан пользоваться этим материалом. Однако комментирование трактата велось не только в Китае; Сунь-цзы, ставший классиком военного искусства на всем Дальнем Востоке, привлек внимание и японских военных писателей. Это было в феодальной Японии и наблюдается в современной.

Переводчик привлек только один из японских комментариев: старое толкование Огю Сорай (1750). Новейшими японскими коммен-

тариями автор не пользовался, так как, по его мнению, в них нет ничего, что заслуживало бы внимания с точки зрения раскрытия подлинного содержания учения Сунь-цзы. Поэтому читатель не найдет в настоящей работе никаких ссылок на этих комментаторов, хотя они автору хорошо известны.

Составляя русский комментарий трактата, автор ни в коем случае не исходил из какого-нибудь одного из этих комментаторов. Исходить из одного значило бы подчиниться его концепции. Но концепция каждого комментатора всегда отражает его эпоху, его личность. Автор же стремился, как сказано выше, понять мысль Сунь-цзы адекватно эпохе, в которую жил и действовал Сунь-цзы, и той социальной среде, интересы и чаяния которой он представлял, — насколько, конечно, наши исторические знания позволяют решить такую задачу. Автор постарался расширить эти знания привлечением нового, указанного выше материала: перечисленной выше древней китайской литературы по военному искусству. Старые китайские комментаторы привлекались лишь при филологическом изучении текста, необходимом для русского перевода. Как уже было сказано, многие слова и выражения трактата очень трудны для понимания, и не только для современного читателя: не забудем, что уже в эпоху вэйского Цао-гуна, т. е. в III в., понадобился комментарий, без которого этот трактат, очевидно, был малопонятен даже тогда. При этом самое беглое знакомство с комментаторской литературой убеждает нас в том, что различные комментаторы по-разному, иногда прямо противоположно понимали те или иные слова и выражения трактата, по-своему истолковывали смысл многих его фраз. Переводчик мог, конечно, предложить тот перевод, который с первого взгляда представляется как будто само собой разумеющимся. Однако долгий опыт работы над китайскими классиками убедил в том, как легко при таком неосторожном подходе вложить в исследуемый текст содержание, которого в нем никогда не

было. Поэтому каждую версию предлагаемого перевода необходимо было всегда проверять. Основным методом проверки правильности перевода того или иного места трактата было сопоставление этого перевода с переводом других мест, соприкасающихся по теме, материалу, мысли. Кроме того, возможность такого именно перевода оценивалась в свете общей концепции трактата, той системы взглядов, которая, по убеждению исследователя, в нем заложена. Но каждое установленное таким путем понимание переводчик сопоставлял с данными различных китайских комментариев, стремясь проверить

Ду Му

допустимость данного им лексического и грамматического толкования вообще. Однако для плодотворности этой работы было необходимо подвергнуть этих китайских комментаторов серьезному критическому рассмотрению, которое нашло свое отражение частично в основной части труда — разборе учения Сунь-цзы, частично в «Примечаниях». Если бы привести всю проделанную работу полностью, получился бы труд узкоспециального синологического характера. А именно этого автор и не хотел делать, так как он обращается, в первую очередь, к военному специалисту вообще, к историку военно-теоретической мысли. При этом, как уже сказано, китайские комментаторы во многом по-разному понимают своего автора, очень часто не согласны друг с другом. Их работы представляют род развернувшейся в истории китайской военно-теоретической мысли дискуссии по вопросам военной науки, а также своего рода историю развития этой мысли в Китае вообще. Но изучение этой истории задача особая, не входящая в рамки данной работы.

В заключение автор считает необходимым предупредить читателя о некоторых особенностях настоящей работы. В конце ее читатель найдет особую главу, названную «О военной доктрине Сунь-цзы». Эта глава является попыткой сопоставить отдельные места трактата, выяснить их внутренние взаимоотношения и представить при помощи такого анализа мысли Сунь-цзы как некую систему взглядов, как учение о войне, конечно, насколько это возможно по содержанию. Там же сделана попытка выяснить некоторые общеполитические основы учения.

Основы эти могут быть найдены, как показано в ряде мест комментария, в течении китайской мысли той эпохи, которое связано с «И-цзином» и дальнейшим развитием концепций древнего памятника. Такого рода задача в истории изучения «Сунь-цзы» до сих пор не ставилась ни китайскими, ни японскими комментаторами.

Западноевропейские специалисты-китаеведы, обращавшиеся к «Сунь-цзы», ограничи-

вались обычно простым переводом, да и то сделанным на основе одного какого-либо популярного китайского комментария. Ввиду именно такой задачи этой главы чисто исторический анализ учения Сунь-цзы сведен в ней к раскрытию в истории эпохи того, что дало общее направление мыслям трактата и определило некоторые его положения; общая же историческая характеристика предполагаемого времени возникновения трактата, т. е. эпохи У ба, дана лишь в самом кратком виде.

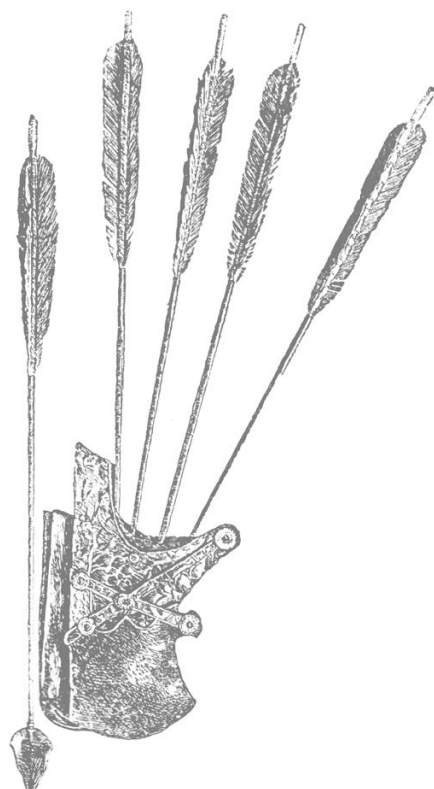
Многие положения Сунь-цзы, вероятно, вызовут у читателя-специалиста ассоциации с отдельными мыслями и даже с общими взглядами тех или иных писателей по вопросам военного искусства или полководцев различных стран. Но автор настоящей работы этого не затрагивает: во-первых, это — особая тема, выходящая за рамки настоящей работы, а во-вторых, автор не является специалистом по истории военно-теоретической мысли и не считает себя вправе делать какие бы то ни было сопоставления и выводы в этой области. По его мнению, это могут сделать и, как автор надеется, сделают наши военные специалисты, осветив, таким образом, место Сунь-цзы в истории древней военно-теоретической мысли и древнего военного искусства. Именно для такой совершенно особой работы автор и дает свой материал.

В заключение автор позволяет себе выразить надежду, что предлагаемый материал окажется небесполезным для историка военно-теоретической мысли. И если Сунь-цзы будет включен у нас в число авторов, более подробно изучаемых в плане истории военной науки, цель данной работы будет достигнута. Сунь-цзы на это имеет право не только потому, что он основоположник и важнейший классик старой военной науки в Китае и Японии, не утративший своего значения и в наше время, но и потому, что он наиболее древний из военных писателей мира, мысли которого дошли до нас в форме более или менее законченного трактата.

СУНЬ-ЦЗЫ

ПРАКТИКА О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

*Перевод с китайского, предисловие
и комментарии академика Н.И. Конрада*

ГЛАВА I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАСЧЕТЫ

1. Сунь-цзы сказал: война — это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели. Это нужно понять*.
2. Поэтому в ее основу кладут**¹ пять явлений [ее взвешивают семью расчетами и этим определяют положение]***.
3. Первое — Путь, второе — Небо, третье — Земля, четвертое — Полководец, пятое — Закон.

* Ввиду того, что в разных изданиях трактата дается различная разбивка на абзацы, часто даже нарушающая единство фразы, переводчик счел себя вправе произвести свою разбивку, исходя из признака законченности той или иной мысли.

** Некоторые спорные места перевода оговорены в «Примечаниях». Цифры в тексте дают ссылку на соответствующее примечание к данной главе. Кроме того, что почти каждая фраза трактата разъясняется в соответствующей главе «Комментария».

*** Слова, поставленные в переводе здесь и всюду, где следует, в скобки, представляют повторение таких же слов в каком-либо другом месте трактата, причем там они вполне уместны, будучи тесно связаны с общим контекстом, здесь же — явно излишни. Так, например, в данном случае эти слова повторяются несколько ниже — в п. 4, где им по содержанию и надлежит быть.

Путь — это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя², когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений³.

Небо — это свет и мрак, холод и жар; это порядок времени⁴.

Земля — это далекое и близкое, неровное и ровное, широкое и узкое, смерть и жизнь⁵.

Полководец — это ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость.

Закон — это воинский строй, командование и снабжение⁶.

Нет полководца, который не слышал бы об этих пяти явлениях, но побеждает тот, кто усвоил их; тот же, кто их не усвоил, не побеждает.

4. Поэтому войну взвешивают семью расчетами и таким путем определяют положение:

Кто из государей обладает Путем? У кого из полководцев есть таланты? Кто использовал Небо и Землю? У кого выполняются

Китайская тяжелая кавалерия
династии Сун. Живопись XII в.

правила и приказы? У кого войско сильнее? У кого офицеры и солдаты лучше обучены?⁷ У кого правильно награждают и наказывают?

По этому всему я узнаю, кто одержит победу и кто потерпит поражение.

5. Если полководец станет применять мои расчеты, усвоив их, он непременно одержит победу; я остаюсь у него. Если полководец станет применять мои расчеты, не усвоив их, он непременно потерпит поражение; я ухожу от него⁸. Если он усвоит их с учетом выгоды, они составят мощь, которая поможет и за пределами их.
6. Мощь — это умение применять тактику⁹, сообразуясь с выгодой.
7. Война — это путь обмана¹⁰. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был

близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если у него дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает.

8. Все это обеспечивает воителю победу; однако наперед преподать ничего нельзя.
9. Кто — еще до сражения — побеждает предварительным расчетом¹¹, у того шансов много; кто — еще до сражения — не побеждает расчетом, у того шансов мало. У кого шансов много — побеждает; у кого шансов мало — не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет вовсе. Поэтому для меня — при виде этого одного — уже ясны победа и поражение.

ГЛАВА II

ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ

1. Сунь-цзы сказал: правило ведения войны таково:
2. Если у тебя тысяча легких колесниц и тысяча тяжелых¹, сто тысяч солдат, если провиант надо отправлять за тысячу миль², то расходы внутренние и внешние, издержки на прием гостей, материал для лака и клея, снаряжение колесниц и вооружение — все это составит тысячу золотых в день. Только в таком случае можно поднять стотысячное войско.
3. Если ведут войну и победа затягивается, — оружие притупляется и острия обламываются; если долго осаждают крепость, — силы подрываются; если войско надолго оставляют в поле, — средств у государства не хватает.
4. Когда же оружие притупится и острия обламаются, силы подорвутся и средства иссякнут, князья*, воспользовавшись твоей слабостью, поднимутся на тебя. Пусть тогда у тебя и будут умные слуги, после этого ничего поделывать не сможешь.
5. Поэтому на войне слышали об успехе при быстроте ее, даже при неискренности ее ведения, и не видели еще успеха при продолжительности ее, даже при искусности ее ведения.
6. Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно государству. Поэтому тот, кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может понять до конца и всю выгоду от войны.
7. Тот, кто умеет вести войну, два раза набора не производит, три раза провианта не грузит; снаряжение берет из своего государства, провиант же берет у противника. Поэтому у него и хватает пищи для солдат.
8. Во время войны государство беднеет от того, что возят далеко провиант. Когда провиант нужно возить далеко, народ беднеет.
9. Те, кто находятся поблизости от армии, продают дорого; а когда они продают дорого, средства у народа истощаются; когда же средства истощаются, выполнять повинности трудно.

* О слове «князь» здесь и всюду ниже см. вводную часть к примечаниям к главе II.

**Всадник. 206 г. до н. э. — IX в. н.э.
Сяньян, Шэньси**

10. Силы подрываются, средства иссякают, у себя в стране — в домах пусто³; имущество народа уменьшается на семь десятых; имущество правителя — боевые колесницы поломаны, кони изнурены; шлемы, панцири, луки и стрелы, рогатины и малые щиты, пики и большие щиты, волю и по-

возки — все это уменьшается на шесть десятых⁴.

11. Поэтому умный полководец старается кормиться за счет противника. При этом один фунт пищи противника соответствует двадцати фунтам своей; один пуд отрубей и соломы противника соответствует двадцати пудам своей⁵.
12. Убивает противника ярость, захватывает его богатства жадность.
13. Если при сражении на колесницах захватят десять и более колесниц, раздай их в награду тем, кто первый их захватил, и перемени на них знамена. Перемешай эти колесницы со своими и поезжай на них. С солдатами же обращайся хорошо и заботься о них. Это и называется: победить противника и увеличить свою силу⁶.
14. Война любит победу и не любит продолжительности.
15. Поэтому полководец, понимающий войну, есть властитель судеб народа, есть хозяин безопасности государства.

ГЛАВА III

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПАДЕНИЕ

1. Сунь-цзы сказал: по правилам ведения войны наилучшее — сохранить государство противника в целости, на втором месте — сокрушить это государство. Наилучшее — сохранить армию противника в целости, на втором месте — разбить ее.

Наилучшее — сохранить бригаду противника в целости, на втором месте — разбить ее. Наилучшее — сохранить батальон противника в целости, на втором месте — разбить его. Наилучшее — сохранить роту противника в целости, на втором месте — разбить ее. Наилучшее — сохранить взвод противника в целости, на втором месте — разбить его¹.

Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь.

2. Поэтому самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости.

По правилам осады крепостей такая осада должна производиться лишь тогда, когда это неизбежно.

Подготовка больших щитов, осадных колесниц, возведение насыпей, заготовка снаряжения требуют три месяца; однако полководец, не будучи в состоянии преодолеть свое нетерпение, посылает своих солдат на приступ, словно муравьев; при этом одна треть офицеров и солдат² оказывается убитыми, а крепость остается невзятой. Таковы гибельные последствия осады.

3. Поэтому тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа свое войско долго. Он обязательно сохраняет все в целости и этим оспаривает власть в Поднебесной. Поэтому и можно, не притупляя оружия, иметь выгоду — это и есть правило стратегического нападения³.
4. Правило ведения войны гласит: если у тебя сил в десять раз больше, чем у противника, окружи его со всех сторон; если у тебя сил в пять раз больше, нападай на него; если у тебя сил вдвое больше, раздели его на части; если же силы равны, сумей с ним сразиться; если сил меньше, сумей оборониться от него; если у тебя вообще что-либо хуже, сумей уклониться от него.

**Офицер из усыпальницы первого императора
Цинь Шихуанди. Сиань, Шэньси**

Поэтому упорствующие с малыми силами
делаются пленниками сильного противника.

5. Полководец для государства — все равно
что крепление⁴ у повозки: если это кре-
пление пригнано плотно, государство не-
пременно бывает сильным; если крепление
разошлось, государство непременно быва-
ет слабым.
6. Поэтому армия страдает от своего госу-
даря в трех случаях⁵:

Когда он, не зная, что армия не долж-
на выступать, приказывает ей выступить;

когда он, не зная, что армия не должна
отступать, приказывает ей отступить; это
означает, что он связывает армию.

Когда он, не зная, что такое армия, рас-
пространяет на управление ею те же самые
начала, которыми управляется государство;
тогда командиры в армии приходят в рас-
терянность⁶.

Когда он, не зная, что такое тактика армии,
руководствуется при назначении полковод-
ца теми же началами, что и в государстве,
тогда командиры в армии приходят в смя-
тение⁷.

7. Когда же армия приходит в растерянность
и смятение, настигает беда от соседних
князей. Это и означает самому привести
свою армию в расстройство и отдать по-
беду противнику.
8. Поэтому знают, что победят в пяти случа-
ях: побеждают, если знают, когда можно
сражаться и когда нельзя; побеждают,
когда умеют пользоваться и большими,
и малыми силами; побеждают там, где
высшие и низшие имеют одни и те же
желания; побеждают тогда, когда сами
осторожны и выжидают неосторожности
противника; побеждают те, у кого полко-
водец талантлив, а государь не руководит
им. Эти пять положений и есть путь зна-
ния победы.
9. Поэтому и говорится: если знаешь его
и знаешь себя, сражайся хоть сто раз,
опасности не будет; если знаешь себя,
а его не знаешь, один раз победишь,
другой раз потерпишь поражение; если
не знаешь ни себя, ни его, каждый раз,
когда будешь сражаться, будешь терпеть
поражение.

ГЛАВА IV

ПРОРА

1. Сунь-цзы сказал: в древности тот, кто хорошо сражался, прежде всего делал себя непобедимым и в таком состоянии выжидал, когда можно будет победить противника.

Непобедимость заключена в себе самом, возможность победы заключена в противнике.

Поэтому тот, кто хорошо сражается, может сделать себя непобедимым, но не может заставить противника обязательно дать себя победить.

Поэтому и сказано: «Победу знать можно, сделать же ее нельзя».

2. Непобедимость есть оборона; возможность победить есть наступление.

Когда обороняются, значит, есть в чем-то недостаток; когда нападают, значит, есть все в избытке.

Тот, кто хорошо обороняется, прячется в глубины преисподней; тот, кто хорошо нападает, действует с высоты небес¹.

Поэтому умеют себя сохранить и в то же время одерживают полную победу.

3. Тот, кто видит победу не более, чем прочие люди, не лучший из лучших. Когда кто-либо, сражаясь, одержит победу и в Поднебесной скажут: «хорошо», это не будет лучший из лучших.

4. Когда поднимают легкое перышко², это не считается большой силой; когда видят солнце и луну, это не считается острым зрением; когда слышат раскаты грома, это не считается тонким слухом.

Про кого в древности говорили, что он хорошо сражается, тот побеждал, когда было легко победить. Поэтому, когда хорошо сражавшийся побеждал, у него не оказывалось ни славы ума, ни подвигов мужества.

5. Поэтому, когда он сражался и побеждал, это не расходилось с его расчетами. Не расходилось с его расчетами — это значит, что все, предпринятое им, обязательно давало победу; он побеждал уже побежденного.

6. Поэтому тот, кто хорошо сражается, стоит на почве невозможности своего поражения и не упускает возможности поражения противника. По этой причине войско,

Боевые ракеты Древнего Китая

долженствующее победить, сначала побеждает, а потом ищет сражения; войско, осужденное на поражение, сначала сражается, а потом ищет победы.

7. Тот, кто хорошо ведет войну, осуществляет Путь и соблюдает Закон. Поэтому он и может управлять победой и поражением.
8. Согласно «Законам войны»: первое — длина, второе — объем, третье — число, четвертое — вес, пятое — победа. Местность ро-

ждает длину, длина рождает объем, объем рождает число, число рождает вес, вес рождает победу.

9. Поэтому войско, долженствующее победить, как бы исчисляет копейки рублями, а войско, обреченное на поражение, как бы исчисляет рубли копейками³.
10. Когда побеждающий сражается, это подобно скопившейся воде, с высоты тысячи сажень низвергающейся в долину. Это и есть форма⁴.

ГЛАВА V

МОЩЬ

1. Сунь-цзы сказал: управлять массами — все равно что управлять немногими: дело в частях и в числе¹.
2. Вести в бой массы — все равно что вести в бой немногих, дело в форме и названии².
3. То, что делает армию при встрече с противником непобедимой, это правильный бой и маневр.
4. Удар войска подобен тому, как если бы ударили камнем по яйцу: это есть полнота и пустота.
5. Вообще в бою схватываются с противником правильным боем, побеждают же маневром. Поэтому тот, кто хорошо пускает в ход маневр, безграничен подобно небу и земле, неисчерпаем подобно Хуанхэ и Янцзыцзяну.
6. Кончаются и снова начинаются — таковы солнце и луна; умирают и снова нарождаются — таковы времена года. Тонов не более пяти, но изменений этих пяти тонов всех и слышать невозможно; цветов не более пяти, но изменений этих пяти цветов всех и видеть невозможно; вкусов не более пяти, но изменений этих пяти вкусов всех

и ощутить невозможно. Действий в сражении всего только два — правильный бой и маневр, но изменений в правильном бое и маневре всех и исчислить невозможно. Правильный бой и маневр взаимно порождают друг друга, и это подобно круговращению, у которого нет конца. Кто может их исчерпать?

7. То, что позволяет быстроте бурного потока нести на себе камни, есть ее мощь. То, что позволяет быстроте хищной птицы поразить свою жертву, есть рассчитанность удара. Поэтому у того, кто хорошо сражается, мощь — стремительна³, рассчитанность — коротка.

Мощь — это как бы натягивание лука, рассчитанность удара — это как бы спуск стрелы.

8. Пусть все смешается и перемешается и идет беспорядочная схватка, все равно прийти в расстройство не могут; пусть все клокочет и бурлит, и форма смята⁴, все равно потерпеть поражение не могут.
9. Беспорядок рождается из порядка, трусость рождается из храбрости, слабость рождается из силы. Порядок и беспор-

Бронзовый топор династии Шан.
XIII–XI вв. до н.э.

рядок — это число; храбрость и трусость — это мощь; сила и слабость — это форма.

10. Поэтому, когда тот, кто умеет заставить противника двигаться, показывает ему форму, противник обязательно идет за

ним; когда противнику что-либо дают, он обязательно берет; выгодой заставляют его двигаться, а встречают его неожиданностью.

11. Поэтому тот, кто хорошо сражается, ищет все в мощи, а не требует всего от людей. Поэтому он умеет выбирать людей и ставить их соответственно их мощи.
12. Тот, кто ставит людей соответственно их мощи, заставляет их идти в бой так же, как катят деревья и камни. Природа деревьев и камней такова, что, когда место ровное, они лежат спокойно; когда оно покатое, они приходят в движение; когда они четырехугольны, они лежат на месте; когда они круглы, они катятся.
13. Поэтому мощь того, кто умеет заставить других идти в бой, есть мощь человека, скатывающего круглый камень с горы в тысячу сажень.

ГЛАВА VI

ПОЛНОТА И ПУСТОТА

1. Сунь-цзы сказал: кто является на поле сражения первым и ждет противника, тот исполнен сил; кто потом является на поле сражения с запозданием и бросается в бой, тот уже утомлен. Поэтому тот, кто хорошо сражается, управляет противником и не дает ему управлять собой.
2. Уметь заставить противника самого прийти — это значит заманить его выгодой; уметь не дать противнику пройти — это значит сдержать его вредом. Поэтому можно утомить противника, даже исполненного сил; можно заставить голодать даже сытого; можно сдвинуть с места даже прочно засевшего.
3. Выступив туда, куда он непременно направится, самому направиться туда, где он не ожидает. Тот, кто проходит тысячу миль и при этом не утомляется, проходит местами, где нет людей.
4. Напасть и при этом наверняка взять — это значит напасть на место, где он не обороняется; оборонять и при этом наверняка удержать — это значит оборонять место,

на которое он не может напасть. Поэтому у того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться; у того, кто умеет обороняться, противник не знает, где ему нападать. Тончайшее искусство! Тончайшее искусство! — нет даже формы, чтобы его изобразить. Божественное искусство! Божественное искусство! — нет даже слов, чтобы его выразить. Поэтому он и может стать властителем судеб противника.

5. Когда идут вперед и противник не в силах воспрепятствовать — это значит, что ударяют в его пустоту; когда отступают и противник не в силах преследовать — это значит, что быстрота такова, что он не может настигнуть¹.
6. Поэтому, если я хочу дать бой, пусть противник и возводит высокие редуты, роет глубокие рвы, все равно он не сможет не вступить со мною в бой. Это потому, что я нападаю на место, которое он непременно должен спасать. Если я не хочу вступать в бой, пусть я только займу место и стану его оборонять, все равно противник не сможет вступить со мной в бой. Это

**Аркебузиры империи Цин.
Китайский рисунок XIX в.**

потому, что я отвращаю его от того пути, куда он идет.

7. Поэтому, если я покажу противнику какую-либо форму, а сам этой формы не буду иметь, я сохраню цельность, а противник разделится на части. Сохраняя цельность, я буду составлять единицу; разделившись на части, противник будет составлять десять. Тогда я своими десятию нападу на его единицу. Нас тогда будет много, а противника мало. У того, кто умеет массой ударить на немногих, таких, кто с ним сражается, мало, и их легко победить².
8. Противник не знает, где он будет сражаться. А раз он этого не знает, у него много мест, где он должен быть наготове. Если же таких мест, где он должен быть наготове, много, тех, кто со мной сражается, мало. Поэтому, если он будет наготове спереди, у него будет мало сил сзади; если он будет наготове сзади, у него будет мало

сил спереди; если он будет наготове слева, у него будет мало сил справа; если он будет наготове справа, у него будет мало сил слева. Не может не быть мало сил у того, у кого нет места, где он не должен быть наготове. Мало сил у того, кто должен быть всюду наготове; много сил у того, кто вынуждает другого быть всюду наготове.

9. Поэтому, если знаешь место боя и день боя, можешь наступать и за тысячу миль. Если же не знаешь места боя, не знаешь и дня боя, не сможешь левой стороной защитить правую, не сможешь правой стороной защитить левую, не сможешь передней стороной защитить заднюю, не сможешь задней стороной защитить переднюю. Тем более это так при большом расстоянии — в несколько десятков миль, и при близком расстоянии — в несколько миль.
10. Если рассуждать так, как я, то пусть у юэцев³ войск и много, что это может им дать для победы?⁴ Поэтому и сказано: «победу сделать можно». Пусть войск у противника и будет много, можно не дать ему возможности вступить в бой.
11. Поэтому, оценивая противника, узнают его план с его достоинствами и его ошибками⁵; воздействовав на противника, узнают законы, управляющие его движением и покоем; показывая ему ту или другую форму, узнают место его жизни и смерти⁶; столкнувшись с ним, узнают, где у него избыток и где недостаток.
12. Поэтому предел в придании своему войску формы — это достигнуть того, чтобы формы не было. Когда формы нет, даже глубоко проникший лазутчик не сможет что-либо подглядеть, даже мудрец не

сможет о чем-либо судить. Пользуясь этой формой, он возлагает дело победы на массу, но масса этого знать не может. Все люди знают ту форму, посредством которой я победил, но не знают той формы, посредством которой я организовал победу. Поэтому победа в бою не повторяется в том же виде, она соответствует неисчерпаемости самой формы.

13. Форма у войска подобна воде: форма у воды — избегать высоты и стремиться вниз; форма у войска — избегать полноты и ударять по пустоте. Вода устанавливает свое течение в зависимости от места; войско устанавливает свою победу в зависимости от противника.
14. Поэтому у войска нет неизменной мощи, у воды нет неизменной формы. Кто умеет в зависимости от противника владеть изменениями и превращениями и одерживать победу, тот называется божеством.
15. Поэтому среди пяти элементов природы нет неизменно побеждающего; среди четырех времен года нет неизменно сохра-

Ранний бронзовый китайский шлем

няющего свое положение. У солнца есть краткость и продолжительность, у луны есть жизнь и смерть.

ГЛАВА VII

БОРЬБА НА ВОЙНЕ

1. Сунь-цзы сказал: вот правило ведения войны: полководец, получив повеление от государя, формирует армию, собирает войска¹ и, войдя в соприкосновение с противником², занимает позицию. Нет ничего труднее, чем борьба на войне.
2. Трудное в борьбе на войне — это превратить путь обходный в прямой, превратить бедствие в выгоду. Поэтому тот, кто, предпринимая движение по такому обходному пути, отвлекает противника выгодой и, выступив позже него, приходит раньше него, тот понимает тактику обходного движения.
3. Поэтому борьба на войне приводит к выгоде, борьба на войне приводит и к опасности. Если бороться за выгоду, подняв всю армию, цели не достигнуть; если бороться за выгоду, бросив армию, будет потерян обоз.
4. Поэтому, когда борются за выгоду за сто миль, мчась, сняв вооружение, не отдыхая ни днем, ни ночью, удваивая маршруты и соединяя переходы, тогда теряют пленными командующих всеми тремя армиями; выносливые идут вперед, слабые отстают, и из всего войска доходит одна десятая.

Когда борются за выгоду за пятьдесят миль, попадает в тяжелое положение командующий передовой армией и из всего войска доходит половина. Когда борются за выгоду за тридцать миль, доходят две трети.

5. Если у армии нет обоза, она гибнет; если нет провианта, она гибнет; если нет запасов³, она гибнет.
6. Поэтому кто не знает замыслов князей, тот не может наперед заключать с ними союз; кто не знает обстановки — гор, лесов, круч, обрывов, топей и болот, тот не может вести войско; кто не обращается к местным проводникам, тот не может воспользоваться выгодами местности.
7. Поэтому в войне устанавливаются на обмане, действуют, руководствуясь выгодой, производят изменения путем разделений и соединений.
8. Поэтому он стремителен, как ветер; он спокоен и медлителен, как лес; он вторгается и опустошает, как огонь; он неподвижен, как гора; он непроницаем, как мрак; его движение, как удар грома⁴.

9. При грабеже селений разделяют свое войско на части; при захвате земель занимают своими частями выгодные пункты⁵.
10. Двигаются, взвесив все на весах. Кто заранее знает тактику прямого и обходного пути, тот побеждает. Это и есть закон борьбы на войне.
11. В «Управлении армией» сказано: «Когда говорят, друг друга не слышат; поэтому и изготовляют гонги и барабаны. Когда смотрят, друг друга не видят; поэтому и изготовляют знамена и значки». Гонги, барабаны, знамена и значки соединяют воедино глаза и уши своих солдат. Если все сосредоточены на одном, храбрый не может один выступить вперед, трусливый не может один отойти назад. Это и есть закон руководства массой.
12. Поэтому в ночном бою применяют много огней и барабанов⁶, в дневном бою применяют много знамен и значков; этим вводят в заблуждение глаза и уши противника. Поэтому у армии можно отнять ее дух, у полководца можно отнять его сердце.
13. По этой причине по утрам духом бодры, днем вялы, вечером помышляют о возвращении домой. Поэтому тот, кто умеет вести войну, избегает противника, когда его дух бодр, и ударяет на него, когда его дух вял или когда он помышляет о возвращении; это и есть управление духом.
14. Находясь в порядке, ждут беспорядка; находясь в спокойствии, ждут волнений; это и есть управление сердцем.
15. Находясь близко, ждут далеких; пребывая в полной силе, ждут утомленных; будучи сытыми, ждут голодных; это и есть управление силой.

16. Не идти против знамен противника, когда они в полном порядке; не нападать на стан противника, когда он неприступен; это и есть управление изменениями.
17. Поэтому правила ведения войны таковы: если противник находится на высотах, не иди прямо на него; если за ним возвышенность, не располагайся против него; если он притворно убегает, не преследуй его; если он полон сил, не нападай на него; если он подает тебе приманку, не иди на нее; если войско противника идет домой, не останавливай его; если окружаешь войско противника, оставь открытой одну сторону; если он находится в безвыходном положении, не нажимай на него; это и есть правила ведения войны.

Изображение генерала

ГЛАВА VIII

ДЕВЯТЬ ИЗМЕНЕНИЙ

1. Сунь-цзы сказал: вот правила ведения войны [полководец, получив повеление от своего государя, формирует армию и собирает войска]*.
2. В местности бездорожья лагерь не разбивай; в местности-перекрестке заключай союзы с соседними князьями; в местности голой и безводной не задерживайся; в местности окружения соображай; в местности смерти сражайся.
3. Бывают дороги, по которым не идут; бывают армии, на которые не нападают; бывают крепости, из-за которых не борются; бывают местности, из-за которых не сражаются; бывают повеления государя, которых не выполняют.
4. Поэтому полководец, постигший, что есть выгодного в «Девяти изменениях», знает, как вести войну. Полководец, не постигший, что есть выгодного в «Девяти изменениях», не может овладеть выгодами

* Слова, заключенные в скобки, представляют буквальное повторение начала VII главы и здесь явно излишни.

- местности, даже зная форму местности. Когда при управлении войсками он не знает искусства «Девяти изменений», он не может владеть умением пользоваться людьми, даже зная «Пять выгод».
5. По этой причине обдуманность действий умного человека заключается в том, что он обязательно соединяет выгоду и вред¹. Когда с выгодой соединяют вред, усилия могут привести к результату²; когда с вредом соединяют выгоду, бедствие может быть устранено. Поэтому князей подчиняют себе вредом, заставляют служить себе делом, заставляют устремляться куда-нибудь выгодой³.
 6. Правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на то, с чем я могу его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, что я сделаю нападение на себя невозможным для него.
 7. Поэтому у полководца есть пять опасностей: если он будет стремиться во что бы то ни стало умереть, он может быть убитым; если он будет стремиться во что бы то ни

Гуань Юй берет в плен генерала Пан Де. Фреска эпохи династии Мин

стало остаться в живых, он может попасть в плен; если он будет скор на гнев, его могут презирать; если он будет излишне щепетилен к себе, его могут оскорбить; если он будет любить людей, его могут обессилить⁴.

8. Эти пять опасностей — недостатки полководца, бедствие в ведении войны. Разбивают армию, убивают полководца непременно этими пятью опасностями. Надлежит понять это.